

Детектив Юлия Земцова

Анна Данилова

Платиновая леди

«Автор»

Данилова А.

Платиновая леди / А. Данилова — «Автор», — (Детектив Юлия Земцова)

Детективное агентство Юлии Земцовой получило заказ расследовать убийство молодой женщины, жены известного и очень богатого бизнесмена Николая Ступина. Дину застрелили. Оружие не найдено. Дни шли, а по этому делу не было ни одной зацепки, ничего, что позволило бы следствию сдвинуться с мертвой точки. Директор агентства Игорь Шубин был возмущен. Его друг Евгений Крымов, недавно приехавший из Европы, утверждал, что ему известно имя убийцы. Он даже написал его на клочке бумаги и отдал Шубину. Но откуда Крымов мог быть в курсе того, кто застрелил жену предпринимателя? Такое невозможно было узнать. Тем более догадаться. Это новое дело... Но если все так, то почему же он, Шубин, постоянно думает об этой записке, все-таки не решаясь в нее заглянуть?..

© Данилова А.

© Автор

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Анна Данилова Платиновая леди

Дорогой читатель Митес!

Желаю счастья, мира и
здоровья! А мне — любви —
то самое вечное счастье!

Учитесь, познавайте и
используйте возможности
жизни! И творите сами!

Анне Даниловой (франц.)

Глава 1

Таня Бескровная, укрывшись пледом, крепко спала в своем кабинете на диване, подложив под голову небольшую подушку. Идея Шубина поставить в каждом кабинете и в приемной по кожаному дивану оказалась просто гениальной, если учитывать одолевшую весь город пасмурную погоду – в конце декабря вместо мороза и снега природа остервенело заливала Саратов какими-то странными грязными дождями, по улицам носился неприкаянно нервный ветер, хотелось не то что спать, а уснуть и не просыпаться вообще до самой весны. Несколько дней тому назад закончив довольно сложное дело с двойным убийством, все, в том числе и исполняющий обязанности директора детективного агентства Игорь Шубин, позволили себе отдохнуть, расслабиться и даже на время забыться...

Секретарша Надя Шукина тоже спала на диване в приемной, закинув голову кверху и смешно посапывая, как ребенок. Пальцы ее холеных рук с длинными ногтями, выкрашенными малиновым блестящим лаком, во сне царапали обивку дивана...

Даже серьезный и ответственный Шубин уснул на диване в своем кабинете, устроившись на боку и подложив под щеку сложенные вместе ладони. Лицо его, зажатое, налившееся кровью и розовое, как фруктовый зефир, выражало умиротворение. В августе он стал отцом, его маленький сын Саня родился точной его копией – рыжеволосым крепышом. Его жена, Женя Жукова (когда он представлял ее кому-то, он почти что жужжал: *«Моя жена Женя Жукова»*, и все при этом улыбались, переглядываясь и умиляясь этому невольному жужжанию), занималась поисками хорошей няни – она просто мечтала выйти поскорее на работу, чтобы быть рядом с мужем и всей этой интересной компанией, которая образовалась с приездом в Саратов Крымова и возвращением в секретарское кресло скандально известной и успевшей получить прощения за все свои грехи Нади Шукиной. Шубин, Крымов, Бескровная, Шукина плюс судмедэксперт, гражданский муж Шукиной, Леша Чайкин – с такими людьми было приятно работать, и дела, которые им поручались, раскручивались словно сами собой... Так, во всяком случае, считала Женя, решившая, что за те четыре месяца, что она провела в обществе Шубина-младшего, она уже вполне успела познать всю радость материнства и теперь ей пора было возвращаться в привычный социум, к друзьям, к работе, к Шубину, наконец. Она ревновала его к агентству в целом и отдельным женским личностям в частности.

Крымов тоже спал – в глубоком кресле, положив затылок на сцепленные пальцы рук и выставив в стороны острые локти. Красивый породистый брюнет, одетый во все черное, дорогое. Несколько лет тому назад именно он, Женя Крымов, вместе со следователем прокуратуры Виктором Львовичем Корниловым (до сих пор продолжавшим работать в прокуратуре и сотрудничать с агентством, получая свои проценты) организовали частное сыскное агентство, которое, несмотря на то что уже давно перешло в руки бывшей жены Крымова, Юлии Земцовой, по-прежнему называлось «крымовское». Сейчас Юля была замужем за французом и жила в Париже. Не в силах простить Крымову многочисленные измены и то, что он вовремя не предупредил ее об инсценировке собственной смерти (благодаря которой, кстати, он чудом остался жив и теперь приходил в себя после бурной жизни в Европе, где долгое время вращался в высоких политических кругах и зарабатывал деньги на разного рода посреднических услугах), она предпочла легкомысленному и ненадежному мужу, каким представлялся ей Крымов, верного, спокойного и серьезного человека – их соседа по парижскому дому и друга семьи Патрика Дюваля. Так случилось, что теперь маленькую дочку Крымова, Машеньку, воспитывал Патрик. Крымов же, не терявший надежды вернуть себе Земцову с дочкой, постоянно писал им нежные письма и звал их в Россию.

Из-за сплошных потоков дождя стекла больших окон агентства казались невероятно толстыми. Сквозь них проглядывал унылый в это время года городской пейзаж – потускневшие особняки старого города, облетевшие тополя, мокрая черная дорога...

Звонок разрезал тишину, разрушил сны и заставил всех проснуться и открыть глаза. Первой вскочила Таня и кинулась к двери. Не полагаясь ни на Щукину, ни на Крымова и уж тем более на Шубина, которому, как директору агентства, просто не пристало бросаться к дверям при каждом звонке, она выпорхнула из своего кабинета (так она называла бывшую кладовку, стараниями хорошего мастера и своими собственными превращенную в уютную, хотя и без окон, комнатку с письменным столом и диванчиком) и, пролетев через приемную, остановилась, сонная, ничего не соображающая перед дверью. Заглянула в «глазок» и увидела молодого мужчину в сером плаще.

– Я сейчас, – она открыла замок, который почти никогда не открывался с первого раза, и впустила посетителя в полутемный коридор. – Проходите, пожалуйста.

– Мне бы к Шубину, – сказал мужчина. У него было бледное лицо, и только кончик носа покраснел.

Таня провела его к Шубину, который за это время успел занять свое место за письменным столом, протереть глаза и теперь внимательно разглядывал незнакомца.

– Моя фамилия Соболев, у меня к вам серьезное дело... – Посетитель оглянулся, давая тем самым понять, что разговор предпочитает вести без свидетелей.

– Да, конечно... – Шубин взглядом показал Тане, чтобы она вышла.

Она поняла и через мгновение уже была на своем месте и слышала все, что происходит у Шубина в кабинете, через миниатюрные наушники. Она знала, что и Крымов, и Щукина точно так же, как и она, сейчас внимательно слушают разговор Игоря с посетителем. Как бы ни был секретен разговор, работать-то им предстояло вместе.

– Я слушаю вас...

– ...Андрей Ильич, меня зовут Андрей Ильич, можно просто Андрей... Вчера убили одну женщину. Ее звали Дина Ступина. Мне бы хотелось, чтобы вы нашли убийцу. Вот, собственно, и все.

– Кто-нибудь еще знает, что эта женщина убита? – спросил Шубин осторожно, поскольку посетитель был сильно взволнован, и вполне могло случиться такое, что труп женщины до сих пор не обнаружен, и о том, что женщина убита, мог знать лишь один Андрей Ильич.

– Да, разумеется... Соседи... Кто-то спускался сверху пешком... Дина лежала возле дверей квартиры... Вызвали милицию, затем приехали люди из прокуратуры...

– Вы тоже там были?

– Мне позвонил Николай, ее муж, и сказал о том, что Дины не стало. Я сразу же приехал. Она была еще там... Меня, понятное дело, не пустили, я ей официально – никто.

– А не официально? Не хотите, не отвечайте, это ваше право.

– Если бы она мне была *никто*, я бы не пришел сейчас к вам.

Последний вопрос Шубина его явно разозлил.

– Тогда расскажите то, что считаете необходимым, – развел руками Шубин, решив для себя, что клиент настолько растерян, что надо дать ему возможность высказаться, не задавая при этом никаких наводящих вопросов.

– Николай – мой друг, – выдохнул Соболев, как будто признался в страшной тайне. – Понимаете, так случилось, что их брак не сложился, Дина не любила его, а он – Дину. Хотя, вполне вероятно, что это всего лишь слова. В самом начале чувства так обострены... – Он достал платок и промокнул влажный лоб. – Я любил Дину. И Николай об этом знал. Да-да, отлично знал, я сам ему сказал об этом недавно, хотя он и так догадывался... Жизнь... она такая непростая штука... Они и не жили вместе, но и не расходились. Дина последний год жила у своей мамы, но постоянно, практически каждый день, приезжала к Николаю, точнее

домой, чтобы приготовить ему обед, прибраться... Я не понимал этого, но она говорила, что это ее обязанность, как жены. Возможно, они оба еще на что-то надеялись, я не знаю... Понятное дело, я ревновал. Страшно. Если так вот посмотреть на это убийство со стороны, то я – первый подозреваемый. Я не знал, что они там вместе делали. Возможно, обедали, а может, и спали... Хотя она говорила, что Николай отпустил ее... Не знаю, что она этим хотела сказать. Вероятно, у них состоялся разговор, и она во всем призналась ему... Она собиралась уйти, она почти каждый раз, отправляясь к нему, звонила мне и говорила, что вот сегодня все прояснится, она расскажет о нас, о том, что она уходит ко мне. Но проходил день, другой, а ничего не менялось. Я забыл сказать, как была убита Дина. Ее застрелили возле порога собственной квартиры, той самой квартиры, в которой находился в это время Николай. Его, понятное дело, задержали. Алиби нет. Так что для прокурора Николай – подозреваемый номер один. У меня есть кое-какие связи в прокуратуре, я пытался навести справки о том, как сейчас он там... Ведь он же мне друг... Он, конечно, все отрицает. Говорит, что не убивал жены. Пистолета не нашли. Нигде. Возможно, он его выбросил в мусоропровод. Кто же будет там копаться? Хотя они делали вид, что ищут. Может, и искали, не знаю... Теперь задавайте вопросы.

– Какого числа и в котором часу обнаружили труп Дины Ступиной?

– Двадцать пятого декабря утром... Точное время не знаю.

– Между вами и Николаем Ступиным не было ли неприязни?

– Нет.

– Несмотря на то что он знал о ваших отношениях с его женой?

– Да.

– У Николая, помимо жены, были еще женщины? Вам что-нибудь известно о его личной жизни?

– Насколько мне известно, Николай очень занятой человек, он с утра до ночи торчал на работе, даже поесть толком не успевал, ему было не до женщин... Во всяком случае, мне об этом не было ничего известно.

– У вас есть фотография Дины?

– Да, и фотографии, и список ее знакомых, вот тут телефоны, адреса, я подготовился... – Соболев положил на стол папку с бумагами и фотографиями.

– Вы сами не женаты?

– Нет. И никогда не был.

– Николай знает о том, что вы здесь?

– Я сказал ему, что сделаю все, чтобы найти убийцу Дины, но не уверен, что он знает о том, что я именно здесь... Хотя он знает о существовании вашего агентства, ему рассказывал кто-то из подчиненных... Ведь Ступин – большой человек, он директор мясоперерабатывающего комбината, у него свои магазины, еще фермы за Волгой, где он выращивает бычков, ну и несколько хозяйств, занимающихся кормами для скота. Так называемый замкнутый цикл... Трава – бычки – мясокомбинат – магазин. Он постоянно в разъездах, все контролирует сам, никому не доверяет...

– А чем занимаетесь вы?

– У меня несколько книжных магазинов, – скромно ответил Соболев. – Так вы возьметесь за это дело?

– Почему бы и нет, конечно, возьмемся.

Они договорились об оплате, Соболев достал деньги и отсчитал Шубину две тысячи долларов аванса.

– Мы будем вам звонить и сообщать о том, что выяснили в связи с убийством Ступиной. Вы должны знать в лицо наших сотрудников, чтобы в случае необходимости встретиться с ними и ответить на ряд вопросов... Пойдемте, я представлю их вам...

Они вышли из кабинета и оказались в просторной приемной, где собрались уже введенные в курс дела Крымов, Таня Бескровная и Щукина.

– Это Таня, Крымов...

Увидев Крымова, Соболев замер:

– Женька? Ты здесь?

– Как видишь. – Они пожали друг другу руки. Крымов с кривой усмешкой взглянул на Шубина, успевшего за несколько лет заработать себе право занять его место в кабинете директора агентства, и отвел глаза. – Приехал вот отдохнуть немного... А ты как тут оказался? Что-нибудь случилось, Андрюша?

– Девушку мою убили... – тяжело вздохнул Андрей. – Шубин тебе расскажет... Я спешу, мне надо встретиться с одним человеком, он обещал мне организовать встречу со Ступиным... Ты помнишь его?

– Колю? Помню, конечно. А что с ним?

– Коля – муж Дины, женщины, которую убили... Долгая история. Его задержали по подозрению в убийстве, но скоро отпустят, потому что это не он ее убил... Ты извини, но я правда опаздываю... Встретимся...

Соболев попрощался с мужчинами за руку, женщинам кивнул головой и ушел, хлопнув дверью.

– Ты что-нибудь о нем знаешь? – спросил Шубин Крымова.

– Хороший парень. Душевный. Романтик к тому же. Он отлично играет на гитаре, знает много песен, да и голова у него светлая. И черт его дернул влюбиться в жену друга! Надо звонить Корнилову.

– Мальчики, – подала голос Надя Щукина. Она поднялась из-за стола и потянулась. Тонкий свитерок туго обтянул ее стройную фигурку. Крымов даже забыл, о чем говорил, когда увидел округлый маленький зад Нади, узкую спину, которую так и хотелось обнять. – Так славно спали, было тихо и хорошо... И чего это он пришел... Мы и так неплохо заработали перед Новым годом, а дело все равно дохлое, неужели вы не видите? Вряд ли это муж ее убил, да и Андрей этот не убивал. Мало ли за что могли убить молодую женщину? Может, ее еще кто-то любил, или убийство связано с деятельностью ее мужа...

– Не хочешь – не работай, – бросил в ее сторону невозмутимый Шубин и посмотрел на непривычно тихую Таню. – А ты что скажешь?

– Да я не проснусь никак, – честно призналась Бескровная, тоже пытаясь потянуться всем телом. – Ты уж извини, Игорь, но ты сам виноват, накопил этих диванов... На улице дождь поливает, голова трещит, глаза закрываются сами собой, а тело как ватное... Я так крепко спала, мне было так хорошо...

– Ночью дома надо спать, а не на рабочем месте, – улыбнулся Шубин, вспоминая, как сладко он спал только что сам. – Это я виноват, что распустил вас... Надя, ты бы поменьше говорила, лучше бы кофе сварила. Не видишь разве, какие мы сонные?

– Служанку нашли... бесплатную... И кофе им свари, и бутерброды подай, и постель постели... Разве что не спишь со мной, Шубин, а так – все тридцать три удовольствия.

– Мужики, может, еще поспим? – спросил Крымов. – Дело-то действительно дохлое. Уверен, что и Корнилов так думает.

– А мне лично до лампочки, о чем думает ваш Корнилов. Бездельник и нахал, вот кто он, – стала просыпаться Таня, на дух не переносившая Корнилова, и в тот день, когда он приезжал в агентство за деньгами, старалась не попадаться ему на глаза, чтобы не наговорить лишнего. – Тоже мне, бросили кость... Так и подавиться можно.

– Успокойся, а то скажу, чтобы ты сама ему позвонила, – пригрозил ей Шубин. – Тебе надо учиться управлять своими чувствами...

– Ну, ты прямо как Виталий заговорил, – фыркнула недовольная Таня, которая вот уже полгода как водила за нос Виталия Минкина, весьма достойного и уважаемого в городе зубного протезиста, постоянно откладывая свадьбу по самым разным причинам. Мало кто знал, что Таня боялась потерять свободу еще больше, чем «закостенелый» холостяк Минкин. – Что это вы все, сговорились, что ли... Это у него все по полочкам разложено, даже чувства... А я не могу спокойно смотреть, как вы каждый раз после того, как проделано столько работы, отстегиваете этому Корнилову кучу денег. За что, спрашивается? За то, что он делится с вами официальной информацией? Да ему это ничего не стоит...

– Ну все, завелась... – вздохнул Крымов. – Успокойся, девочка. Достань лучше из холодильника мороженое и съешь, охладись...

– Сам охладись... На улице такая холодрыга, а ты предлагаешь мне мороженого. Крымов, а хочешь, добрый ты наш, я тебе за шиворот льда насыплю? – И Таня бросилась к холодильнику, открыла морозилку и достала оттуда коробку с кубиками льда.

Крымов, корча ей рожицы, кинулся от нее в кабинет, и вскоре оттуда донеслись душевизирующие вопли, видно, Тане все-таки удалось сыпануть ему за шиворот пригоршню льда.

– Да, ничего себе агентство... Детский сад на лужайке, – фыркнула Надя, резкими движениями ставя на поднос чашки и разливая кофе. Она с первой минуты, как только познакомилась с Таней, поняла, что они – одной породы, а потому вдруг увидела в ней себя лет на десять моложе. Такая же сорвиголова, отчаянная и не терпящая компромиссов... Надолго ли ее хватит?

Не успела она представить себе Таню Бескровную десять лет спустя, как почувствовала, как от шеи, вдоль позвоночника поползло что-то жгуче-ледяное, резкое, от чего дух перехватило и заставило ее чуть ли не подпрыгнуть. Это были кусочки льда, что не достались Жене Крымову.

– Убью на месте. – И она ринулась вслед за убегающей от нее хохочущей Таней.

Они носились по приемной, в то время как Шубин спокойно попивал себе кофе.

– Где-то в морге лежит труп молодой женщины, а вы резвитесь как сумасшедшие... С кем мне приходится работать...

Рядом с ним присел не успевший отдышаться Крымов. Он выглядел значительно моложе своих сорока лет. Неровный румянец разлился по щекам, в глазах светилась какая-то детская радость, казалось, он совершенно освободился от терзающей его еще не так давно боли по поводу разрыва с Земцовой. И Игорь вдруг вспомнил Юлю, подумал о том, как же им всем не хватает сейчас ее нежной улыбки, смеющихся глаз и в то же время какой-то основательности, серьезности, увлеченности – всего того, чего он не находил ни у Нади, ни у Тани. Возможно, что и Юля сейчас включилась бы в игру и бегала по приемной с пригоршней льда, стараясь засунуть ледяное крошево кому-нибудь за шиворот, но сама думала бы при этом о Соболеве и о том, как поскорее встретиться со Ступиным, чтобы расспросить его об убитой жене... Она любит разгадывать загадки. Но самое главное – ее присутствие придавало бы ему, Шубину (да и не только ему), силы.

– Ладно, – услышал он вдруг над самым ухом голос запыхавшейся Тани, – уговорили, черти, я сама позвоню Корнилову и буду наводить мосты. Закрою глаза на его нахальство и буду работать, постараюсь встретиться со Ступиным, если только Игорь мне разрешит...

Шубин был удовлетворен. Значит, работа с ним бок о бок в течение нескольких месяцев все-таки кое-чему научила эту девчонку, бывшую продавщицу из обувного магазина.

– Я не против. Мы живем на одной планете, нам надо учиться уживаться друг с другом. Без Корнилова нам будет сложновато, учитывая, что у нас нет тех возможностей, что у официальных органов. Зачем я это тебе рассказываю, сама не маленькая. Вот увидишь, Виктор Львович это оценит.

– Отлично, я прямо сейчас и позвоню... – Таня шумно, с придыханием, как ребенок, выпила кофе и подошла к телефону, набрала номер. – Виктор Львович? Угадайте, кто вам звонит... Правильно, это я. Меня интересует дело Ступиной... Да, да... Мне бы хотелось встретиться с ее мужем. К нему сейчас бьется человек по фамилии Соболев, это его друг. Надо бы записать их разговор... Да вы что? Отлично, спасибо... – Глаза ее засияли, она посмотрела на Шубина и кивнула ему головой, мол, все получилось. – Родина вас не забудет... Хорошо, через два часа я у вас...

Она положила трубку:

– Получилось! С первого раза! Этот старый жучара понял, что пахло денежками... Ну и бог с ним... Главное, что он ждет меня через два часа. Скоро появится Соболев, они запишут их разговор, и Корнилов сделает нам копию пленки. Я сама поговорю со Ступиным, ведь можно?

– Конечно, только подготовься как следует и учти, что он может находиться в шоке как в случае, если бы он сам убил жену, так и если бы ее убил кто-то другой... Судя по тому, что мы с вами услышали, ее семейная жизнь не ладилась. Она была любовницей его друга, однако продолжала приходить к мужу. Станный брак, странные отношения. Видимо, странный человек этот Ступин.

Но Таня его уже не слышала. Она мысленно перенеслась в маленькую, залитую желтым светом лампы комнату для допросов. Перед ней на стуле сидел убежденный сединами господин Ступин – директор мясоперерабатывающего комбината, угрюмый, с опущенной головой, и она задавала ему свои вопросы... Шубин ей уступил право первой встретиться с человеком, которого подозревают в убийстве. Интересно, как бы построила свой разговор с ним Земцова?

Таня подняла глаза и встретила взглядом с Надей Шукиной.

– Надо Земцовой позвонить, может, она на Новый год к нам сюда собирается, – вдруг сказала Надя, и все повернулись в ее сторону. – Что это с вами? Я что-то не то ляпнула?

Глава 2

Она домывала последнюю ступеньку третьего этажа, когда услышала женский голос. Валентина замерла, перестала возить тряпкой и выпрямилась. Молодой женский голос недовольным тоном жаловался кому-то на потерю ключей:

– Представляешь, достала из сумки ключи, они выскользнули из рук и провалились в щель между стеной и полом... Такое даже трудно себе представить, а вот меня угораздило... Здесь же огромная щель... фанера, за фанерой тысяча проводов, они тянутся с девятого этажа до первого вдоль стены, поэтому неизвестно, где они зацепились... Короче, Коля, я не могу попасть в квартиру. Что мне делать? Сидеть и ждать на ступеньках? Спускаться вниз? Ты пришьешь машину? Хорошо, договорились... Только скажи своему водителю, чтобы поторапливался. У тебя щи остались, или мне, может, сходить в магазин за капустой? Понятно, ты снова ничего не ел... Ладно, потом поговорим...

Валентина слышала, как женщина чертыхнулась, судя по всему, уже отключив сотовый телефон, и, пробормотав: «Непонятно, чем он вообще питается... Ему готовишь-готовишь... Святым духом, наверное...», вызвала лифт. Он мощно загудел, двигаясь медленно откуда-то снизу, после чего звучно, лязгая невидимым железом, остановился, двери разъехались, и дамочка-растяпа, только что потерявшая ключи, цокая каблуками, вошла в него, двери закрылись, и лифт потащился вниз.

«Раз, два, три – отомри!» Валентина вздохнула, словно ей кто-то до этого мешал дышать, и подошла к массивной металлической двери, оклеенной пленкой, маскирующей ее под дерево. На лестничной площадке, получается, была всего одна-единственная квартира. Видимо, хозяйка ее объединила все три квартиры. План созрел в одно мгновение. Вот он, электрический щиток, дверца приоткрыта. Валентина заглянула внутрь и поняла, что он не функционирует – новый электрический щит, вероятно, находится теперь в самой квартире, а этот остался с тех времен, когда на площадке проживали три семьи. И от него когда-то тянулись вниз все провода, грубо замаскированные толстой фанерой, выкрашенной в белый цвет. А вот и щель... Действительно, широкая. И угораздило же ее, эту дамочку, выронить ключи таким образом, что они скользнули прямо в темноту, вниз, в грязь и неведомую электрическую паутину. Не каждая женщина отважится сунуть в эту щель руку. Валентина пошарила в карманах, но, не найдя ничего подходящего, решила поискать алюминиевую проволоку или что-нибудь наподобие этого во дворе дома или на помойке. Но это потом. Сейчас приедет машина с водителем, который передаст хозяйке квартиры ключи, и она останется там. Может, завтра утром она уйдет на работу, к примеру, или к парикмахеру, словом, туда, куда отправляются утром нормальные женщины, а Валентина попытается достать упавшие ключи. И тогда в ее жизнь хотя бы на полчаса вернется элемент цивилизации – ванна. Это пока было пределом ее мечтаний. Она не видела ванну уже тысячу лет, как не видела и всего остального, чем прежде была наполнена ее жизнь... Сейчас же ей оставалось только одно – мыть полы в подъезде. Она делала это по собственной инициативе, зная, что в ЖЭКе сократили единицу уборщицы и что жильцы этого и других близлежащих домов решили сами нанять уборщицу, которая согласилась бы за копейки убирать подъезды (Валентина случайно оказалась возле дома в тот момент, когда там проходило собрание). Понятное дело, что никто не согласился, и тогда Валентина на свой страх и риск вымыла два подъезда, затем через три дня еще раз и еще... А через месяц пошла по квартирам собирать деньги за уборку подъезда. Все спокойно отдавали по пять рублей с человека, мало интересуясь тем, кто мыл лестницы и сколько раз в неделю. Набрала триста шестьдесят рублей и была счастлива и этим деньгам...

Дамочка вернулась минут через двадцать (Валентина наконец-то увидела ее: высокая хрупкая шатенка в зеленых шелковых брюках и белой кружевной блузке), позванивая клю-

чами, которые ей передал, очевидно, муж. В течение этого времени Валентина домыла подъезд, нашла несколько кусков разной проволоки, ржавый крюк возле мусорного бака и вернулась на третий этаж, чтобы убедиться в том, что на лестничной площадке никого нет. Ей понадобилось не более пяти минут, чтобы выудить из черной, жутковатой и пугающей своим электрическим нутром щели эту связку блестящих новеньких ключей. Это было самым настоящим богатством. *«Если бы я была воровкой, – подумала она, – то, забравшись в эту огромную квартиру, ограбила ее подчистую, вынесла что только можно... Жаль, что я не воровка».*

Когда в подъезде уже нечего было делать, она села на скамейку возле дома, спрятанную под густой старой вишней, чтобы проследить за движениями жильцов интересующей ее квартиры. Она мало думала о том, какие последствия могут быть, если ее застанут там. Если бы она об этом думала, то не сидела бы на скамейке, а давно бы уже спустилась в колодец и спала бы там, медленно умирая от стыда и грязи, в которую загнала себя сама... Да и вообще она в последнее время научилась не думать о каких-то вполне конкретных вещах и проблемах, чтобы не омрачать и без того беспросветное и тягостное существование. Она понимала, что выхода все равно нет. И вот сейчас, прижимая к груди связку ключей, она спрашивала себя, что мешает ей перед тем, как оказаться на нарах, все-таки ограбить эту плывущую к ней в руки квартиру, чтобы купить себе приличную одежду, заказать сытный обед в ресторане, снять номер в гостинице, и ответа не находила. Видимо, ее мозг отказывался вообще воспринимать эти вопросы, как нечто чужое, незапрограммированное, идущее вразрез с общей системой ее мышления. Подобный сюжет об ограблении она воспринимала лишь как художественный вымысел – книгу, фильм – или же как документальный репортаж с места события, не имеющий к ней никакого отношения.

Те триста шестьдесят рублей разошлись очень быстро – на хлеб, молоко, дешевую колбасу и кусок мыла. Она попыталась помыться в колодце, куда Сергей принес ведро воды, и помылась, сдирая с кожи грязь и несколько раз намыливая голову. Волосы ее давно превратились в паклю, кожа – в коричневый пергамент... Тело и вовсе грозило в скором времени стать скелетом.

Она растерялась, когда увидела, что девушка из интересующей ее пятнадцатой квартиры (на женщину она не тянула из-за детского выражения лица и какой-то необычайной хрупкости тела) вышла из подъезда и направилась в сторону гастронома. Валентина решила не покидать свой наблюдательный пункт, чтобы не пропустить самого главного – ее возвращения. И она, эта молоденькая хозяйка, вернулась. В руках она держала завернутый в полиэтиленовый пакет кочан бледно-зеленой капусты. «Ну конечно, она же собиралась варить щи. А куда же она делает, что он не съел, ее муж? И где ее вообще черти носят, если она не знает, что съел или не съел ее муж? А может, это вовсе и не жена его, а приходящая любовница и одновременно кухарка и домработница – три в одном флаконе?!» Валентина почувствовала сонную оцепенелость. Голод заставил все ее внутренности уменьшиться в размерах, и теперь ей достаточно было утром лишь выпить воды да съесть кусок булки, чтобы не испытывать боли в желудке. Сергей тоже похудел, но голод терзал его куда сильнее, он даже плакал по ночам, словно его завывание и стоны прибавили бы еды в колодце, где они жили.

А ведь еще полгода тому назад у них была однокомнатная квартира, которую Сергей продал, чтобы начать свое дело – торговать продуктами на Северном рынке. Он все подсчитал, они сняли комнату там же, в поселке Солнечном, и Валентина сама стояла за прилавком, продавая рыбные консервы, макароны, майонез и сосиски, и торговля шла неплохо. Выручку она каждый вечер отдавала Сергею, не зная, что он спускает ее в игровых автоматах здесь же, на Северном рынке... А потом он тайне от нее продал все холодильное оборудование, остатки товара, чтобы отыграться... Отыгрался. Они остались совсем без денег. Их, как котят, хозяин вышвырнул из комнаты, оставив себе в счет уплаты за жилье их теплые вещи: Сережину куртку и каракулевую шубу Валентины... Им в ту ночь даже негде было переночевать. Они забрались

в подъезд одного из домов, но жильцы вызвали милицию, и их выгнали оттуда. Чтобы их не повезли в отделение, Валентине предложили ублажить милиционера прямо в милицейском «газике». Сергей, услышав это, стал избивать молодого милиционера первым, что попало под руку, – осколком кирпича. Валентина, понимая, что если им сейчас не удастся вырваться и убежать, то их посадят в тюрьму, повесив на них все что угодно (начиная с квартирных краж и кончая убийствами), решила помочь мужу и обрушила на голову незадачливого милиционера-любownika доску... Он рухнул и потерял сознание. «Главное, что он жив... Пошли отсюда скорее...» И они садами, помойками, посадками добрались до экспериментальных пшеничных полей Института Юго-Востока, шли вдоль огромных алюминиево-блестящих даже в темноте труб ТЭЦ, пока не наткнулись на глубокий и теплый от этих горячих труб колодец – бетонную коробку, в которой можно спрятаться и от холода, и от людей. И тогда там, в колодце, с ней случилась первая истерика. Она кричала на Сергея и била его кулаками по голове, упрекая в том, что он лишил ее крова над головой и теперь обрек на верную смерть. Слишком уж стремительно развивались события, прежде чем она успела сообразить, что ее муж – игрок, что он болен игроманией и что он, даже находясь в колодце, думает о том, как бы ему отыграться... Потом были еще скандалы – оказалось, что то, что Сергей зарабатывал на разгрузке вагонов и строительстве дорог, на цветочных плантациях или рынках, он продолжал проигрывать в игровых автоматах, принося в колодец, где она его ждала, лишь хлеб и колбасу. «Мне *тебя* нужно было огреть той доской и остаться с тем милиционером, может, он и помог бы мне, если бы я переспала с ним...» Они тогда наговорили друг другу много оскорбительного, даже грозились убить друг друга. Валентина не могла работать – нервное расстройство повлекло за собой полную потерю физических сил. Устроив в колодце постель из старых фуфаяк и грязных одеял, которые удалось найти на помойке, она много спала, словно набираясь сил, пока не поняла, что умирает... И вдруг в один прекрасный день ей стало легче. Часть сил словно вернулась к ней, и она поняла, что это пришло второе дыхание, что бог, которому она время от времени неумело молилась, дал ей шанс... Она стала мыть подъезды, покупать себе еду и приходить в себя. Предстояло настолько окрепнуть, чтобы наняться в продавцы на рынке. Там она уже не пропадет и с голоду не умрет, там вокруг люди, если силы оставят ее, то хотя бы вызовут «Скорую»...

Она открыла глаза и поняла, что спала. Что ж, это не так уж и плохо. Спать она научилась где угодно и когда угодно. Организм сам подсказывал ей, когда ему требовался отдых. Часов не было, солнце, как ей показалось, осталось на прежнем месте. И тут она увидела девушку из пятнадцатой квартиры. На этот раз у нее в руках ничего, кроме сумочки, не было. Она вышла на крыльцо и, шурясь на солнце, приняла выжидательную позу. Она смотрела в сторону дороги, переминаясь с ноги на ногу. Неужели снова приедет кто-то, кто обязан прислуживать ей и привозить ей ключи или деньги, возить ее по магазинам, рынкам... Из какого же материала она сделана, чтобы о ней так заботились и так любили? И почему ее, Валентину, никто и никогда так не любил, как эту девчонку из пятнадцатой квартиры?

И действительно, из-за угла вывернула красная иномарка, девушка спорхнула с крыльца и, открыв дверцу, уселась в машину. Как в карету. Машина, взревев мотором, умчалась, оставив после себя облако выхлопных газов.

Валентина, поднявшись со скамейки, медленным, но уверенным шагом двинулась по направлению к подъезду. Теперь ее сжигало любопытство, ей не терпелось посмотреть, как же живет эта особа, на чем спит, что ест. Но самое главное, какого цвета и размера ее ванна и есть ли в доме горячая вода...

Глава 3

Таня и сама не ожидала от себя такого – она поставила перед Корниловым, следуя строгой инструкции начальства, две бутылки холодного пива. И это в декабрьскую непогоду. Неужели он воспримет это как издевку? Или обрадуется?

– Привет, садись. – Виктор Львович улыбнулся и кивнул на бутылки с пивом. – Это ты правильно сделала, потому что я с самого утра непонятно зачем жую сушеные кальмары и сухарики с чесноком... Думаю, это нервное...

Он понимал, что Таня, которая невзлюбила его с самого начала, сделала над собой усилие, чтобы заставить себя, во-первых, позвонить ему, во-вторых, приехать к нему и, в-третьих, купить для него дорожущее пиво. Это свидетельствовало о том, что она либо очень сильно заинтересована в исходе этого дела, связанного с убийством жены крупного бизнесмена, директора мясоперерабатывающего комбината Николая Ступина, либо Шубин этой Бескровной так промыл мозги, что ей ничего другого не оставалось, как принять условия их работы и, не устраивая никаких революций, постараться понять, что без Корнилова они все равно ничего не смогут. И что теми темпами расследования, которыми так гордится Шубин, они обязаны в первую очередь именно ему, старшему следователю прокуратуры Виктору Львовичу Корнилову. Да и клиентов он им посылает, о чем они и не догадываются. Он делает это очень осторожно, аккуратно, но так, что людям, попавшим в беду, ничего другого не остается, как искать помощи в частных агентствах... Прокуратура не всемогуща, любит повторять он, когда речь идет о том, чтобы как можно скорее найти убийцу и привлечь его к ответу. Особенно когда он видит перед собой солидного, то есть состоятельного клиента. Официальное расследование подразумевает под собой официальные методы, и это в некотором роде плюсы прокуратуры. Неофициальная же часть расследования, чем в основном и занимается агентство Шубина, без санкций прокурора – пустая трата времени, хоть и дает быстрый результат. Вот и получается, что они – прокуратура в лице Корнилова и агентство в лице Шубина – как бы дополняют друг друга и, действуя параллельно и ни в коем случае не мешая друг другу, раскрывают одно преступление за другим... Отлично налаженная работа и прекрасный результат – разве не об этом мечтали они с Крымовым, когда начинали? К тому же Корнилов здорово поработал, чтобы у Крымова, взявшего на себя все хлопоты, связанные с организацией агентства, был начальный капитал. Уж каким образом он добывал деньги, это его дело, но факт остается фактом – половина этого капитала приплыла Крымову из рук Корнилова, хотя и мимо государственного вездесущего носа. Преступник, припертый к стене, готов отдать последнее, чтобы его оставили на свободе. Особенно если дело пахнет наркотиками. Уж это Виктор Львович усвоил еще в самом начале своей прокурорской карьеры. Так почему же было не воспользоваться этим?

– Будешь пиво?

– Нет. Виктор Львович, мне надо поговорить со Ступиным. Его уже кто-нибудь допрашивал?

– Да, допрашивали. Мои люди. Точнее, пытались. Пока что он молчит. Думаю, он и сам еще не понял, что произошло.

– А Соболев по его душу приходил?

– Он в коридоре, ты его разве не видела?

– Нет.

– У него тоже кое-какие связи имеются, и ему мое начальство обещало устроить встречу со Ступиным. Он сидит и ждет, когда я его приглашу. Но я решил, что сначала лучше тебе поговорить со Ступиным, а уж потом я пушу к нему Соболева.

– А может, пусть все-таки Соболев с ним сейчас встретится, скажет, кто занимается расследованием, связанным с убийством его жены, назовет наши имена, а затем появлюсь я...

– Хочешь, чтобы он подготовил Ступина?

– Да.

– Как скажешь. Я и сам об этом подумал. Но тогда тебе придется сначала поговорить с Соболевым. Мы же не знаем, с чем он пришел...

Соболев сидел в конце коридора на жестком стуле и разгадывал кроссворд. В последнее время он каждое утро покупал новые кроссворды – слишком уж много ему приходилось повсюду ждать. И у стоматолога, и у адвоката, которого он нанял для Ступина на всякий случай, немного растерявшись и не зная, правильно ли он поступил, и у разного рода чиновников, с которыми ему необходимо было встретиться, чтобы получить разрешение на открытие картинной галереи, где он планировал выставлять и продавать работы местных художников. Теперь вот он уже почти два часа сидел в ожидании, что его примет Корнилов, хотя вопрос о встрече со Ступиным как будто бы уже решился, и он получил на это разрешение у руководства Виктора Львовича. Кроссворд был идиотским, бездарным, слова кочевали с одной страницы на другую, что вызывало раздражение. Андрей чувствовал, что тупеет с каждым новым разгаданным словом, но и оторваться от него уже не мог – разглядывать ровную коричневую стену казалось ему настоящей пыткой. Когда же он увидел стремительно приближающуюся к кабинету Корнилова девушку в джинсах и куртке и вспомнил, где он ее видел, ему стало немного легче. Машина заработала, подумалось ему. Он был уверен, что девушка из агентства пришла к Корнилову именно по его делу и теперь ему, Соболеву, остается только ждать результатов. Можно, в сущности, самоустраниться и вообще уехать из города, чтобы немного прийти в себя. То есть побыть несколько дней эгоистом, подумать о себе, о своем здоровье, наконец, ведь смерть Дины оглушила его, ослепила, вызвала губительное для его нервной системы чувство вины перед ней. Но Ступин сидел в камере, а это означало, что пока он там, Андрей не имеет права самоустраняться. Правда, по большому счету, убили жену Ступина, а не невесту Соболева. Да, с какой стороны ни посмотри, в первую очередь Дина была все-таки женой его друга...

Мысли о том, что Ступин не выдержал и пристрелил свою жену из ревности, конечно, были. Но, рассуждал Андрей, если он хотел ее убить, то разве стал бы это делать явно, прямо в подъезде, зная, что выстрел будет непременно услышан кем-то из соседей? Он же трезвомыслящий и вообще очень умный человек. Но тогда становится непонятным, почему же он не отпускал Дину и продолжал жить с ней, зная, что она изменяет ему с Соболевым и собирается уходить к нему? Интересно, как она объясняла ему свое желание жить у матери... И все же Николай все знал, знал – Соболев сам, напившись с другом (возможно, тогда уже с бывшим другом) коньяку, рассказал ему о своих чувствах к Дине. Почему же тогда Николай терпел измену жены и не предпринимал ничего, чтобы положить этому конец? На что он рассчитывал? Надеялся, что она передумает, или же ему было просто не до нее? Зная характер Ступина, можно предположить и первое и второе.

Девушка из агентства пробыла у Корнилова в кабинете недолго. Вышла, и Соболев окликнул ее:

– Подождите!

– Андрей Ильич, а я к вам... Мне надо с вами поговорить... Сначала я напомним вам, что меня зовут Таня, Таня Бескровная. Так вот, я знаю, зачем вы пришли сюда, а вы, верно, догадываетесь, зачем сюда приехала я. Так вот. Ваш друг Ступин молчит. Вы должны заставить его заговорить и объяснить, что убийством его жены занимается наше агентство, заодно назвать мое имя, то есть подготовить его к встрече со мной. Объясните ему, что молчание может обернуться против него, если мы вовремя не предпримем каких-то шагов, направленных на то, чтобы как можно скорее найти убийцу Ступиной. Тем более что у него, как я понимаю, нет алиби. В момент убийства он находился в квартире, то есть в нескольких шагах от жены...

Андрей сказал, что все понял, и они некоторое время сидели молча, думая каждый о своем. Таня вспомнила, что не убрала свою пижаму в ящик для белья, тем самым нарушив

порядок, установившийся в спальне Виталия, у которого она время от времени жила. Понимая, что людей надо принимать такими, какие они есть, Таня тем не менее не могла привыкнуть к тому, что ее жених просто помешан на порядке, что бумаги на его письменном столе сложены ровными стопками, старинная сахарница немецкого фарфора должна стоять исключительно на маленькой полке прямо над столом, а покрытый золотом заварочный чайник неизвестного происхождения – в буфете, за стеклянной дверцей. «Если у тебя беспорядок в голове, это отразится на том, как выглядит твоя комната... Если вещи раскиданы, значит, и мозги у тебя работают хаотично, беспорядочно, выдавая несуразные идеи и управляя так же бессистемно твоими действиями...» Какой же он смешной, этот Минкин, но в то же время очень милый, нежный, как выросший в любви и ласке кот. Таня улыбнулась, вспоминая Виталия, их совместный долгий завтрак и молочные усы на смуглой коже Минкина...

За Соболевым пришли, Таня принялась за тот же кроссворд, который не успел разгадать Соболев. Просмотрев внимательно те слова, которые он угадал, она сделала для себя вывод, что он не совсем дурак, что голова его еще варит, хотя ему сейчас должно быть не до кроссвордов, ведь убили его любимую женщину. Таня достала блокнот и пометила для себя, что надо посмотреть тело Ступиной и поговорить с судмедэкспертом. Хорошо, если труп отвезли Чайкину. Если же к Лева Закутскому, то снова придется себя сдерживать, чтобы не наговорить резкостей, – Чайкин был у них на окладе, а Лева драл три шкуры за каждый интересующий агентство труп.

Она заглянула к Корнилову и спросила, где находится тело Дины Ступиной. Оказалось, что у Закутского. Чертыхнувшись, Таня позвонила ему в морг.

– Лева? Это Таня Бескровная. Меня интересует тело Ступиной. Сегодня после обеда подъеду, ты не против?

– Без вопросов, – ответил Лева невнятно, он явно что-то жевал. Таня подумала, что надо использовать эту его слабость и привезти ножку копченой курицы. Или бутерброд с колбасой. Или...

Она не успела придумать, с чем же ей идти к Закутскому, потому что увидела приближающегося к ней быстрыми шагами Соболева. Судя по выражению его бледного лица, у него ничего не вышло со Ступиным.

Андрей сел на свое место и зачем-то взял в руки газету с кроссвордом.

– Он действительно молчит. Обозвал меня сволочью и отвернулся. Мне пришлось объяснять его затылку, что убийством Дины занимаетесь вы, назвал ваше имя, сказал, что вы сейчас придете, что ему нельзя молчать, потому что время работает против него... Думаю, он все понял. Теперь попытайтесь вы вытянуть из него хотя бы слово.

– Пусть так... Главное, что вы назвали ему мое имя.

«Другой бы, – подумала Таня, – на месте Ступина уже давно набил бы Соболеву морду, а он, зная об измене жены, продолжал общаться с другом, словно мазохист со стажером. Каких только людей не встретишь...»

Она открыла дверь и вошла в комнату, где за столом сидел, сцепив пальцы рук, мужчина в спортивном костюме. Темные густые и аккуратно постриженные волосы с проседью, немного вытянутое лицо, светлые глаза, крупный нос и полные губы. При звуке открывающейся двери Ступин повернул голову и встретился взглядом с Таней. Он не отвернулся от нее, как от Соболева, и это уже было хорошим началом.

– Меня зовут Таня. Я из «крымовского» агентства...

– Я понял... – буркнул он.

– Думаю, вы знаете, чем мы там занимаемся... Если вы будете нам помогать, то я сейчас задам вам несколько вопросов. Если же нет и вам все равно, кто убил вашу жену, или вы, быть может, знаете, кто это сделал, но не скажете, то я тотчас уйду и откажусь вести это дело.

Соболев заплатил две тысячи долларов, чтобы мы начали расследование убийства вашей жены. Так что вам решать...

– Садитесь, – проговорил он тихо и жестом пригласил ее сесть напротив него. – Меня уже допрашивали...

– Я знаю. – Таня села и смело взглянула ему в глаза. Трудно было определить, глаза ли это убийцы или убитого горем вдовца. Она представила себе Ступина в кабинете, за письменным столом – такой же взгляд, бесстрастный и в то же время оценивающий. Что он за человек? Мужчина или рабочая лошадь, которая везет на своих плечах гигантскую машину, печатающую деньги? Что для него важно в жизни: любовь, страсть, деньги, власть?..

– Я белый и пушистый, – вдруг ответил он на ее молчаливый вопрос и даже попытался улыбнуться. – Вы ведь это хотели узнать? Машина я или человек?

Голос его звучал насмешливо. Понятное дело, он не доверял ей. Да и с какой стати?

– Дину я не убивал. Мы расстались, как обычно, мирно или, как теперь принято говорить, цивилизованно. Она объявила мне, что уходит к Соболеву, всплакнула, как это и полагается делать женщинам в такой момент, сказала, что ей очень жаль, что я был неплохим мужем, я даже протянул ей платок...

– Николай Борисович, насколько мне известно, вы уже давно знали о связи вашей жены с вашим другом Соболевым. Это правда?

– Да, правда. И я был рад, что она уходит именно к нему, то есть попадет в хорошие руки. Поверьте мне, я не циник, но судьба Дины мне была безразлична...

– Хотя как женщина она вас уже не интересовала... – Таня все же осмелилась задать этот вопрос.

– Мы уже давно не жили вместе. Как-то охладели друг к другу. Сначала нам казалось, что мы любим друг друга, а потом, когда стали жить вместе и она увидела, испытала на себе, что значит быть женой такого занятого человека, как я, чувства ее ко мне остыли, и я не мог не заметить этого.

– Работа была важнее ваших отношений с женой?

– Я был бы рад приходить домой пораньше, но у меня никак не получалось... Даже будучи в отпуске, я продолжал звонить на комбинат, я не мог допустить, чтобы линия остановилась... К тому же у меня было много других идей... Моя жена должна была заниматься каким-нибудь интересным делом, я ей предлагал, пытался объяснить, что просто сидеть дома перед телевизором – скуотища, что так можно с ума сойти. Вот она и нашла себе развлечение – Соболева.

– Когда вы заметили это?

– Сразу же. Я это почувствовал. Во-первых, запах другого мужчины. Как бы она ни мылась, ни душилась духами... Во-вторых, ее поведение. Она заметно оживилась, повеселела и постоянно что-то напевала. Кроме того, чего уж там... мне позвонили «доброжелатели» и сказали, что видели мою жену с Соболевым в ресторане, они обедали вместе.

– А как ваша жена объяснила вам свое желание переехать к своей матери?

– Очень просто, мол, мать заболела, за ней надо ухаживать. Я сказал, что не против. Дина же в свою очередь сказала, что будет приходить, чтобы приготовить обед, прибраться, словом, что не бросит меня. Согласитесь, это подкупало, и я не стал ничего выяснять... В конечном счете, мне это было даже удобно...

– Другими словами, вы решили закрыть глаза на похождения своей жены и согласились использовать ее в качестве домработницы?

– Для домработницы она слишком много получала, – усмехнулся Ступин. – К тому же это был ее выбор, не забывайте...

– Но со стороны это убийство выглядит как месть... – осторожно заметила Таня.

– Не дурак, понимаю. Но я не имею к этому убийству никакого отношения. Мне незачем было убивать Дину, к тому же я вообще не способен на убийство. Поверьте, я очень хочу,

чтобы нашли убийцу, и если вы его найдете, то я щедро отблагодарю вас. Хотя, признаюсь честно, я в это не верю. Убийца не оставил практически никаких следов – разве что пулю. Не представляю, за что могли убить Дину... Еще я был бы вам очень признателен, если бы вы помогли мне выбраться отсюда. Я никуда не денусь, но мне надо похоронить жену. Мысль о том, что все хлопоты возьмет на себя Андрей, мне невыносима... Да, вы правы, поначалу я не испытывал к нему никаких неприязненных чувств, но после смерти Дины я не могу его видеть. До меня словно с большим опозданием дошло, что же случилось на самом деле... И как они могли обманывать меня практически на моих глазах. И Дина приходила ко мне почти каждый день, делала вид, что заботится... Что же двигало ею?

– Чувство вины, – подсказала ему Таня. – Видимо, она жалела вас и не могла решиться объявить вам о своем уходе, боясь причинить боль.

– Думаю, она ждала, когда я сам заговорю на эту тему, – шумно вздохнул Ступин и сжал руки в кулаки.

– У вас есть пистолет?

– Да, конечно, его забрали на экспертизу. Сейчас почти у каждого, кто может себе это позволить, есть оружие. Время такое. Но я не убивал Дину и готов защищаться... У меня слишком много дел, чтобы провести полжизни в тюрьме. Это глупо и несправедливо, наконец.

– А у вас, Николай Борисович, нет любовницы? Вы извините, что мне приходится задавать такой вопрос...

– Нет, у меня нет любовницы.

– Тогда ответьте на самый главный вопрос: вы кого-нибудь подозреваете в убийстве вашей жены? У нее были враги? Вам что-нибудь об этом известно?

– Дина была совершенно домашним человеком, если не считать ее увлечения Андреем Соболевым... Нет, не думаю, что у нее были враги. Ее смерть либо случайность, либо она стала жертвой какого-нибудь влюбленного в нее психа... Дина была красивой женщиной, и это единственное, что отличало ее от других. Но за красоту не убивают... Поймите, я и сам теряюсь в догадках...

– Хорошо, я поняла. Постараюсь сделать все возможное, чтобы вас выпустили под залог. С кем я могу поговорить на эту тему?

– С моим бухгалтером, Ниной Васильевной Блюминой, запишите ее телефоны... Если понадобятся деньги, она выдаст необходимую сумму. Может перевести на счет... Сейчас я напишу ей записку, она все поймет... По сути, это мое единственное доверенное лицо, мы с ней работаем уже много лет.

Таня вдруг подумала о том, что у Ступина нет ни нервов, ни души, ни чувств. И об убитой жене он говорит так, как говорил бы о говяжьих или свиных тушах, о колбасах и окороках – как о проблеме, которую надо решить. А проблем накопилось более чем достаточно: нужно доказать всем, что он – не убийца, надо выйти на свободу, похоронить жену, потом вернуться на работу, чтобы продолжить заниматься тем, что, по сути, и разрушило молодую семью. Ведь Дине было всего двадцать три года, из которых последние три она являлась женой Ступина.

– Вы всегда такой... бесстрастный? Холодный? – неожиданно для себя спросила Таня, понимая, что задает явно лишний, не имеющий никакого отношения к делу вопрос.

– Я белый и пушистый, – напомнил ей Ступин и посмотрел на нее тяжелым взглядом. – И мне, как это ни странно, сейчас очень больно.

Глава 4

Она осмотрела дверь. Никаких проводов, свидетельствующих о том, что квартира охраняется и поставлена на сигнализацию, она не увидела. Конечно, провода могли быть тщательно замаскированы... *«Ну и пусть меня схватят, я попаду в тюрьму чистая, от меня будет хорошо пахнуть. На суде я расскажу обо всем, что со мной произошло, и объясню всем, и судье и присяжным, что не собиралась грабить квартиру. Мне просто хотелось вымыться. Ну, может, еще и поест. Самую малость».* Конечно, никому нет дела до бомжа, бомж – это уже диагноз, и кто виноват в том, что она вовремя не ушла от Сергея или вовремя не разглядела в нем азартного и, по сути, больного человека? И кто заставил ее согласиться продать квартиру? Никто. Они приняли это решение вместе с Сергеем. Но тогда это был не тот Сергей, что жил с ней сейчас в колодце. Тогда это был полный сил и планов мужчина, четко знающий, что ему делать, куда идти и как зарабатывать деньги. Она верила и надеялась на него, и кто бы мог подумать, что с ним станет за каких-то полгода? Неужели история с избитым милиционером – реальность, а не кошмарный сон? И ведь она сама, Валентина, ударила его по голове доской... Как же они изменились за это время, превратились из нормальных людей почти в животных. И никто им уже не поможет, никто... Она никогда не сможет нормально одеться и устроиться на приличную работу. А ведь когда-то она работала главным бухгалтером в престижной фирме, пока та не разорилась по вине директора, который не хуже Сергея заразился тягой к путешествиям и все деньги спустил на бразильские карнавалы, испанские корриды, французские кабаре и ирландские пабы... Она только чудом избежала печальных последствий, связанных с большими кредитами, которые она выхлопотала для него, используя связи и свой профессиональный опыт, но которые не были возвращены в положенный срок банку. К счастью, у нее хватило ума не ставить свою подпись на документах, имеющих отношение к кредитам, а потому ей удалось беспрепятственно уволиться и затаиться на то время, пока не уляжется скандал, грозящий тюрьмой генеральному директору. И хотя директора не посадили (он сумел откупиться), Валентина, напуганная всей этой полукриминальной историей, решила для себя никогда больше не работать бухгалтером, а найти спокойное место экономиста или финансиста с наименьшей ответственностью. Но не нашла, не успела – Сергей предложил заняться бизнесом...

...Она быстро, то и дело оглядываясь и прислушиваясь к звукам, разносящимся по подъезду, открывала один замок за другим. Их было по два на каждой двери. Не так уж и много. Да и открывались они легко, словно были смазаны маслом. Вот наконец был открыт последний замок, и дверь словно вздрогнула, подалась внутрь, Валентина толкнула ее и вошла. Сердце ее бешено колотилось. От тишины в квартире заломило уши, захотелось что-то сказать, крикнуть, произвести какой-то шум... Просторный холл был застелен красным узорчатым ковром. Смешная, с рожками, вешалка для шляп и стеклянный цилиндр для зонтов, здесь же корзинка для газет. И двери. Много дверей. Валя разулась и тронулась вперед, туда, где, по ее предположению, должна была находиться ванная комната. Но не нашла, заблудилась среди спален, гостиной и других непонятных комнат. Когда же она открыла последнюю дверь, у нее перехватило дыхание. Это была огромная комната с окном и цветами, посреди которой стояла круглая ванна. Надо было торопиться. Она, сполоснув ванну, заткнула ее поворотом блестящего золотого рычага и пустила воду – горячую и холодную. Бросила туда пригоршню сиреневой морской соли, плеснула пены для ванны, сняла с себя грязную одежду и забралась в воду. Это была сказка... И это было безумие: вламываться в чужую квартиру и забираться в такую чистую и роскошную ванну. Она долго, несколько раз подряд, намыливала шампунем волосы, терла губкой лицо, тело и плакала от счастья, что наконец-то смоет с себя всю колодезную вонь, все то, что, как ей казалось, приближало ее к смерти... Этот телефонный разговор, эти скользнувшие

в щель ключи, эта проволока, эта квартира, эта ванная комната... Все в жизни предопределено, все расписано по минутам, секундам, мгновениям. Значит, она должна была подслушать этот разговор и достать ключи. Смыть с себя всю грязь. Какой смысл теперь нервничать и думать о том, сколько сокамерниц будет слушать твою невероятную историю... Будь что будет. В жизни все равно нет справедливости, так чего же удивляться? Надо жить одним днем, радоваться каждой малости и благодарить бога за эту теплую, волшебную воду, за это душистое мыло, за этот уютный длинный халат, который впитывает всю влагу и делает твое тело таким нежным...

Закутанная в чужой халат, с тюрбаном из чужого голубого полотенца на голове Валентина вышла из чужой ванной комнаты и отправилась в чужую кухню. Игра началась. После горячей ванны ей хотелось пить.

Она остановилась на пороге квадратной, светлой кухни, окна которой были зашторены прозрачными белыми занавесками, и взгляд ее остановился на огромном холодильнике. Как во сне она двинулась к нему, распахнула дверцу, и первое, что увидела, это батарею бутылок с минеральной водой. Еще несколько коробок с соком. Валя выбрала апельсиновый. Достала из ящика кухонного стола ножницы, вскрыла коробку и налила себе полный стакан холодного сока. Залпом выпила. Ей стало так хорошо и весело, словно она выпила бутылку крепкого вина. Затем еще один стакан – теперь грейпфрутового сока. Это уже был разврат. Когда же она обнаружила на столе в стеклянной салатнице только что пожаренные котлеты, ей захотелось плакать. Давно забытый вкус домашних котлет... Она съела одну котлету, а еще две (больше двух брать было нельзя – так, возможно, никто не заметит исчезновения трех котлет) положила в целлофановый пакет. Туда же сложила две булочки, которые нашла в хлебнице, кусочек колбасы, сыр, одну коробочку йогурта и шоколадку. За это не посадят, промелькнуло в голове. От страха у нее подкашивались ноги, но и уходить из этого рая не хотелось. В голову пришла совершенно сногшибательная мысль – постирать свое рванье. А почему бы и нет? Она вернулась в ванную комнату и, разыскав в углу, за корзиной с грязным бельем, тазик, быстро постирала в дорогом порошке всю свою одежду. Первой мыслью было надеть все это на себя, чтобы одежда высохла на теле. Но, подумав о том, что ее в таком виде могут увидеть жильцы дома, передумала. В спальне в шкафу она нашла белые льняные бриджи, розовую майку. Надевать трусы «девушки из пятнадцатой квартиры» как-то не хотелось при всем к ней уважении. Надо было уходить, но как не хотелось!

Сунув мокрое полотенце в корзину для белья и повесив на место зеленый халат, Валентина с пакетом, в котором были выстиранная одежда и еда, покинула рай, закрыла все двери на замки, спустилась вниз и, обнаружив, что двор, на ее счастье, совершенно пуст и что ее никто не видит, сошла с пригорка к посадкам и там уже знакомой узкой тропой направилась к колодцу. По дороге вспомнила, что забыла побрызгаться духами, которых в спальне на трюмо было флаконов пять...

Сергея, понятное дело, «дома» не было. Колодец пока что принадлежал только им двоим. Сергей несколько раз прогонял желающих переночевать в теплом и уютном месте. Бомжей, оказывается, в этом районе было не так уж и мало. В основном это были мужчины, причем не такие и старые, как могло показаться с первого взгляда. Грязные, обросшие щетиной и в рваной, нестираной одежде, мужчины выглядели лет на десять-пятнадцать старше своего возраста. Некоторые и вовсе производили впечатление больных стариков, хотя на самом деле были значительно моложе и подорвали свое здоровье в бесчисленных попойках и жестоких драках. «Сережа, обещай мне, что никогда не будешь пить», – часто требовала от мужа Валентина, чувствуя, что он все больше отдаляется от нее и все реже и реже рассказывает ей о том, где и как провел день. Пока еще он не выглядел, как эти страшные в своем отчаянии бомжи, он пытался следить за собой, брился, как мог, найденными в мусорном баке старыми лезвиями, мыл голову хозяйственным мылом и даже чистил ботинки щеткой. Но характер его изменился, он стал молчалив, много спал и никогда не признавался жене в том, сколько заработал за день.

Первое время она внушала ему мысль, что они должны держаться вместе и помогать друг другу во всем, что бы с ними ни случилось, но потом поняла, что перед ней уже не Сергей, а лишь то, что стало с ним после того, что ему пришлось пережить. Но жизнь продолжалась, и Валентина научила себя принимать его такого, каким он стал.

...Развесив под потолком на веревке стираное белье, Валентина положила сверток с едой на ящик, который заменял им стол, и легла на лежанку, покрытую тряпьем, подложив себе под голову кусок поролона. Вот теперь она могла спокойно выспаться, не переживая о том, что вот сейчас кто-то придет, схватит ее за руку и поведет в отделение. Она была чистая, в чистой, хотя и чужой одежде, и волосы ее пахли шампунем.

Глава 5

Крымов после встречи с Соболевым с трудом сдерживал свое раздражение. Он никак не мог свыкнуться с мыслью, что агентство больше не принадлежит ему. И что проку здесь, в этом провинциальном городе, бить себя кулаком в грудь и доказывать, что он – личность, что у него недвижимость в Европе, две квартиры и дом в Париже, большие счета в швейцарских и немецких банках, когда агентство принадлежало Земцовой, но главным в нем сейчас считался Шубин?! Первые недели, когда он приходил в себя после реального покушения на его жизнь (в Мюнхене пришлось устроить даже инсценировку его убийства, и за это Крымов выложил довольно крупную сумму), он являлся в агентство просто как гость. Он слушал музыку, пил кофе, курил и смотрел, как Шубин с Бескровной раскручивают одно дело за другим. Потом ему и самому захотелось принять участие в расследовании убийства одной старшеклассницы. И так постепенно он, выходя из депрессии, начал работать уже как полноправный сотрудник агентства, с той лишь разницей, что Шубин по привычке относился к нему как к старшему и ждал от него каких-то реальных советов и указаний, веря в то, что он – прежний Крымов, талантливый сыщик, способный в короткий срок вычислить преступника. Хотя по отношению к Тане Бескровной и Наде Щукиной Шубин вел себя довольно строго и требовательно, как и положено руководителю.

Вот и сейчас, после ухода Тани, Шубин спросил его, как спрашивал обычно:

– Что скажешь, Женя?

– Думаю, что Соболев не убивал, хотя бы потому, что я его хорошо знаю, к тому же он сам пришел к нам с просьбой найти убийцу... С другой стороны, это обычное дело, когда убийца постоянно на глазах и делает вид, что ищет как бы сам себя... Он романтик, как я уже говорил, а потому его действия могут быть вполне предсказуемы: он любил эту Ступину, а она никак не решалась порвать со своим мужем. Убийство на почве ревности – одно из самых интересных убийств...

– Думаешь, он ревновал ее к мужу? Но ведь она жила у матери...

– Это еще надо проверить. Это Соболев сказал, что она жила с матерью, а где она жила на самом деле – еще вопрос. Нужно навестить ее мать...

– Я готов, – сказал Шубин, искренне полагая, что слово Крымова дорогого стоит. Он действительно продолжал видеть в своем друге старшего и нисколько не тяготился своей ролью подчиненного. – У нас только Надя остается без работы... Или ты думаешь, что ей пора позволить в НИЛСЭ?

– Наверняка результаты экспертизы еще не готовы. А ты сам как думаешь, эта Ступина продолжала жить со своим мужем, как с мужчиной, или приходила к нему только для того, чтобы сварить суп и помыть полы?

– Думаю, она лишь варила суп. Их брак уже изжил себя, и они оба это понимали. Но лучше всего было бы поговорить на эту тему с самим Ступиным и с матерью Дины. Можно себе представить, что она сейчас чувствует... Разговор с ней будет тяжелым.

– Если хочешь, я с ней поговорю...

– Да какая разница...

– Шубин, как поживает твоя жена, моя тетка?

– Рвется на работу. Во все газеты дала объявления – ищет няню.

Игорь провел ладонью по своей уже почти облысевшей голове, пригладил остатки рыжих волос и вздохнул.

– Хочешь сказать, что и ваш брак изжил себя, да только ты никак не можешь себе в этом признаться? – спросил Крымов, хотя и без того знал ответ на вопрос.

Ему, ловеласу с большим стажем, были понятны все проблемы мужчин, связанные с женщинами. Игорь же казался ему просто жертвой неудачного брака – он прекрасно видел его отношение к жене и не понимал, как можно жить с женщиной, которая не вызывает в тебе положительных эмоций, не говоря уже о любви, или хотя бы сексуальных желаний.

– Понимаешь, с каждым днем Саня становится старше, превращается в маленького такого мужичка, в точную мою копию, и я готов ради него горы свернуть... А вот Женя для меня остается чужой. Пока она носила ребенка, пока лежала в больнице и я ждал этого малыша, мы были близки, мы вместе ждали его, но, когда он появился, Женька стала как бы лишней... Наверное, я не должен был тебе этого говорить...

– Думаю, Земцова испытывает ко мне те же чувства, точнее – она ко мне вообще ничего не испытывает, как и ты к своей Женьке. Только она вышла замуж за Патрика, вычеркнула меня из своей жизни и отняла у меня Машку, вот так легко, запросто... Наверно, и Женька сделает то же самое, когда ты скажешь ей, что больше не любишь ее... Да и была ли любовь?.. – Крымов встал и прошелся по комнате. – Ты вот знаешь, к примеру, что такое любовь?

– Думаю, что да. Это когда Земцова в Париже, а у меня, когда я вспоминаю о ней, что-то в душе переворачивается, и я почти вижу ее, хочу ее... Причем я говорю это тебе, бывшему мужу... Да, кстати, вот ты бы смог убить меня, своего друга, за то, что я люблю твою жену?

– Нет, конечно... Я знаю тебя, знаю Земцову... Нет, что ты... Что за идиотский вопрос?!

– А Земцову ты бы мог убить из ревности, ведь она же вышла замуж за Патрика, тоже твоего друга?..

– Юлю? Убить? Ты что, Шубин, спятил? Как я могу убить Земцову?

– Но ты же только что предположил, что Соболев мог застрелить Дину из ревности.

– Да, но то Соболев, а это я. И Ступин тоже мог. И он даже больше мог, чем Соболев. Ступин – личность, я слышал о нем... С одной стороны, он – сильный, даже жесткий руководитель, идущий к цели по головам подчиненных и сметающий все на своем пути. С другой – он как теленок, которому не хватает материнской ласки.

– Откуда такие сведения о Ступине? И тем более о его слабостях? Я понял... Ты все это выдумал? Только что?

– Почти. Просто такие люди, как Ступин, очень уязвимы, когда речь идет о чувствах, связанных с женщинами, с их личной жизнью. Это на работе они демонстрируют свою силу, показывают, быть может, то, чего нет внутри, а на самом деле такие люди очень тяжело переживают измену, предательство и становятся мишенью для тех, кто только и ждет удобного случая, чтобы нанести удар сзади...

– Но Ступин сейчас и так в тюрьме...

– Он скоро выйдет... Вот увидишь, твоя Бескровная после беседы с ним будет просить Корнилова отпустить его под залог. Виктор Львович, почуяв запах денег, пойдет к начальству, пообещает поделиться, и завтра или даже уже сегодня к вечеру Ступин будет у себя дома. А у Татьяны появится новый покровитель... Кстати, как у нее с этим стоматологом?

– С Виталием? По-моему, все хорошо. Во всяком случае, я сам лично присутствовал при том, как она в салоне для новобрачных мерила свадебное платье. Ты не представляешь себе, сколько в ней было женственности, красоты... А так посмотришь – кожаная куртка, кожаные брюки или джинсы, майка, на голове вместо нормальной прически – солома... Свадебное платье меняет женщину до неузнаваемости. – Шубин вдруг вспомнил, как из примерочной кабины, куда вошла Бескровная, вышла хорошенькая стройная девушка в пышном белом платье, в которой он не сразу узнал Татьяну. *«Шубин, ау, это я, слышишь?.. Ну как, идет мне быть невестой?»*

– Еще год промаринует стоматолога, а потом выйдет замуж за другого. Женщины... – махнул рукой Крымов, – на них нельзя положиться...

– А мужчины? На тебя вот можно было положиться? Ты же бросил Земцову одну с ребенком, исчез, долгое время не давал о себе знать, а когда приехал, то со стороны смотрелся просто как гость, уж, во всяком случае, не как муж и тем более отец... Может, я и не должен был тебе этого говорить, но кто тебе еще это скажет, как не я, твой друг? Кроме того, ты по-свински поступил с ней, когда тебя вроде бы убили... Ты бы слышал, как она рыдала в трубку, когда узнала об этом. Но тебе и в голову не пришло позвонить ей и предупредить о том, что это всего лишь инсценировка, чтобы она не убивалась так. Такое вообще-то не прощают.

– Если бы любила, простила. Обрадовалась бы, что я жив... Я, понимаешь ли, беру трубку, говорю ей, что, мол, живой, а она грозит, что шибанет меня какой-то вазой... Словом, совершенно непредсказуемая реакция...

– Ладно, закроем эту тему. Она вышла замуж за Патрика, неплохого, скажу я тебе, человека. Может, с ним она будет счастлива. Тебе бы понравилось, если бы твоя жена изменяла тебе?

– Какому мужику это понравилось бы? Что за вопрос?

– Вот и я о том же. А теперь вспомни, сколько раз ты ей изменял.

– Ни разу, – замотал головой Крымов. – То, что я спал с другими бабами, – не в счет.

– С тобой невозможно разговаривать. Давай лучше работать...

– Ты имеешь в виду Щукину?

Шубину и вовсе стало нехорошо. Он догадывался, что Надя время от времени наведывается по старой привычке к Крымову, но старался об этом даже не думать. А тут вдруг Крымов сам об этом заговорил.

– Надя мне – родной человек, – оправдывался Крымов. – Она понимает, как мне сейчас тяжело без жены, без дочки... Она придет, сготовит мне...

– Крымов, Дина Ступина тоже приходила к мужу, готовила ему... и теперь ее нет в живых...

– Что ты хочешь этим сказать? Видимо, там – страсть, понимаешь, а у нас с Надей очень нежные дружеские отношения, ты не путай... И вообще, при чем здесь Ступины?

– Хочу понять, какие отношения были между Ступиным и его женой, между Диной и Соболевым... Я работаю, понимаешь? Надя приходит к тебе, готовит, убирается так же, как и Дина... Ты можешь ее сейчас спросить, какие чувства она испытывает к тебе и к своему новоиспеченному мужу, Чайкину? Она боится его? Способен ли он на убийство?

– Да Чайкину убить, что очередной живот покойника вспороть... У него нет нервов, он – мясник, и его надо бояться...

В эту минуту случилось непредвиденное. Дверь распахнулась, и на пороге появилась Надя. Она с трудом сдерживала улыбку:

– Мальчики, вы так орете, что на улице слышно... Ты, Крымов, мерзавец, все про нас рассказал, не стыдно?

– Я похвалился, – Крымов встал и обнял ставшую розовой Надю. – Разве мы с тобой не друзья?

– Друзья... Особенно когда ты с меня рубашку снимаешь... Друзья, конечно. Только поэтому я постараюсь быть предельно откровенной и расскажу вам, какие чувства испытываю к Чайкину...

Шубин покраснел, представив себе, что она испытывала, подслушивая под дверью, и какими осликами выглядели они с Крымовым, рассуждая о любви.

– Так вот, к своему новоиспеченному, как вы выразились, мужу Леше Чайкину я отношусь с большой нежностью. Сейчас он не пьет, его практически никогда не бывает дома, да и зарплата у него чисто символическая... За это, поверьте мне, его просто невозможно не любить. А если серьезно, то он очень добрый и ласковый мужчина, очень щедрый и благодарный. Вы вот спросите меня, зачем я хожу к Крымову? Пожалуй, это и есть основной вопрос...

И зачем эта Дина ходила к Соболеву? Зачем женщины вообще ходят налево, то есть встречаются с другими мужчинами? Не догадываетесь? Я вот с Крымовым чувствую себя совершенно свободным человеком и могу позволить себе с ним все, абсолютно все... А вот с Лешей я играю роль примерной жены. Думаю, все женщины по сути своей – шлюхи... Знаете, это как вирусы. В каждом из нас живут какие-то вирусы, бактерии, которые могут не дать о себе знать на протяжении всей жизни, но если им создадут благоприятную среду, они начинают активизироваться, развиваться...

– Значит, я – твоя благоприятная среда? – ущипнул ее за мягкое место Крымов.

– И не только ты, – шлепнула его по руке довольная удачным сравнением Надя. – Что же касается Дины Ступиной, то и здесь стоит задуматься о том, была ли она счастлива со своим мужем и что заставило ее завести себе любовника из их ближайшего окружения... Не каждая женщина рискнет взять в любовники близкого друга своего мужа, хотя часто так и бывает... Муж теряет бдительность именно потому, что доверяет своему другу. А тот факт, что она приходила к мужу, готовила ему – а почему бы и нет? Ведь для окружающих они продолжали оставаться парой, они были женаты, наконец. Я подслушала практически весь ваш разговор и могу предложить свои услуги и встретиться с матерью Дины. Уверена, мне она расскажет куда больше, чем вам, мужчинам. А тебе, Крымов, неплохо было бы поговорить с секретаршей Ступина, попытаться выяснить через нее, не было ли у него любовницы, побеседовать с водителем Николая Борисовича...

– Шубин, ты не иди у нее на поводу, так, глядишь, она займет твое директорское кресло. Ей только палец дай, она и руку отхватит...

– Она дело говорит, – пожал плечами Шубин. – Пока мы с тобой здесь время убивали в совершенно бесполезных разговорах, Таня наверняка уже встретила со Ступиным...

Шубин вдруг, к своему ужасу, подумал о том, что он мог бы вполне обойтись без Крымова и Щукиной, настолько тяжело ему было строить отношения с ними обоими. Тем более сейчас, когда его предположения подтвердились и он узнал из первых, что называется, рук, что они любовники. Только этого еще не хватало. Четверка сотрудников разобьется на две пары: Крымов со Щукиной и Шубин с Бескровной. Надя, учитывая ее склочный характер, будет настраивать Крымова против Шубина с Таней, начнутся бессмысленные препирательства, выяснения отношений, без которых она не может, и в конечном счете агентство все равно распадется на две равные части. Если только Крымов не уедет куда-нибудь в Бразилию или Африку, туда, где без него просто остановится жизнь... Надя как побитая собака станет проситься обратно в агентство, будет жаловаться на безработицу, скажет, что умирает с голоду... И зачем только Шубин согласился взять ее назад? Хотел реанимировать хотя бы внешне ту приемную, которая была во времена Земцовой? А не проще ли написать Юле письмо с просьбой вернуться домой и снова занять свое директорское кресло? Ведь она вышла замуж за Патрика назло Крымову, это же как пить дать... Письмо? Земцовой? Чтобы она, бросив красивую и спокойную парижскую жизнь, вернулась в эту глухомань и принялась охотиться за убийцами? Зачем ей это нужно? К тому же у нее дочь...

Крымов помахал у него перед глазами рукой:

– Игорек, очнись, о чем это ты думаешь? Прямо отключился, ей-богу... Надя, его надо сбрызнуть водой, чтобы он пришел в себя...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.